

Л.И. Горбунова

Иркутский государственный университет

**Языковая концептуализация физического облика человека
(на материале прилагательных, образованных от соматизмов
с помощью приставки без- (бес-))**

Аннотация: В статье описывается семантическая структура прилагательных, образованных от названий частей тела человека с помощью приставки *без-* (*бес-*). Изучается, какие смыслы связаны в русской языковой картине мира со смыслом «отсутствие». Доказано, что важнейшей составляющей данного фрагмента русской языковой картины мира является понятие нормы. Продемонстрировано, что носителем русского языка идеальный физический облик человека понимается как соответствие количественной и качественной норме. Качественная норма в этом случае понимается как выполнение частью тела анатомической и вторичной функции.

The article describes the semantic structure of adjectives formed from the names of the human body parts using the prefixes *без-* (*бес-*). The meanings that relate to the Russian linguistic picture of the world with meaning «absence» are studied. It is proven that the notion of quantitative and qualitative standards is the most important part of this Russian linguistic picture of the world fragment. Quality norm in this case is understood as part of the body performs the anatomical and secondary function.

Ключевые слова: картина мира, концептуализация, физический облик человека, соматизмы, отсубстантивные прилагательные, норма, семантика.

Conceptualization, language picture of the world, semantics, adjective, the physical appearance of a man.

УДК: 81'37

Контактная информация: 664000 г. Иркутск, ул. Чкалова, 2. ФБГОУ ВПО «Иркутский государственный университет», кафедра русского языка и общего языкознания. E-mail: ludgorbunova@mail.ru

Как известно, язык не столько воссоздает действительность, сколько отражает то, какие черты окружающего мира отмечает носитель языка, какие различия в ситуациях для него являются жизненно и культурно значимыми. Важнейшими характеристиками зафиксированного в языке фрагмента действительности является то, какие объекты и отношения между ними получили номинацию в языке, и то, какую значимость придает носитель языка тому или иному признаку ситуации. Таким образом, при изучении языковой картины мира показательной является сама номенклатура языковых единиц как средств отражения тех сторон действительности, которые языком номинированы, а значит, маркированы как релевантные для языкового коллектива. Кроме того, важно описать, какие составляющие картины мира осознаются как особо существенные, каким из них приписываются ценностные характеристики, т.е. выявить, как они интерпретируются в языке. Следовательно, можно говорить, что языковая концептуализация дейст-

вительности состоит в отборе подлежащих номинации сторон действительности и в маркировке роли некоторых из них в жизни человека.

Предваряя анализ языкового материала, считаем необходимым сделать еще одно замечание общего характера. Язык в высокой степени ориентирован на аномальные явления. В нем прежде всего фиксируется все то, что воспринимается как редкое, новое, необычное, а следовательно, обращающее на себя внимание. Именно поэтому нормально с точки зрения носителя русского языка выглядят выражения *человек без руки, беззубый рот, носатый незнакомец, зубастая пасть*, которые говорят об отклонении от нормы, проявляющемся в отсутствии чего-то обычно имеющегося или в наличии чего-то особого в количественном и качественном отношении (большого носа, многих зубов). При этом конструкции, указывающие на обычное положение дел, вряд ли в норме возможны **человек с рукой, *рот с зубами, *незнакомец с носом*.

Несомненно, что тело человека является одним из важнейших центров языковой картины мира, поскольку «для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве единственной точки опоры» [Апресян, 1986, с. 31]. Физический облик человека также подвергается языковой концептуализации, которая проявляется уже в том, что части тела, все одинаково важные для его функционирования, осознаются как имеющие разную степень значимости. Такой вывод позволяет сделать анализ семантически однородной группы прилагательных со значением ‘у X нет Y’, образованных от названий частей тела человека с помощью приставки *без-* (*бес-*).

Данные прилагательные тоже фиксируют отклонения от того, что считается нормальным в физическом облике человека, причем происходит это через внутреннее отрицание, заложенное в семантике этих адъективов. «При построении отрицательных прилагательных «в уме» остается девиация, а в ассертивную часть «записывается» норма. Их главная задача – восстановить истину и порядок» [Арутюнова, 1999, с. 11].

Следует отметить, что прилагательные с префиксом *без-* (*бес-*) фиксируют облик мужчины, т.к. среди них есть единицы *безусый* и *безбородый* и нет тех, которые можно было бы отнести только к женщине. Это человек, достигший зрелости, носящий бороду и усы. Следовательно, это человек еще допетровской эпохи, когда бритье не было частой и обычной гигиенической процедурой.

Главным критерием нормы является здоровье. Человек должен обладать упитанным телом (ср. не-норма *бестелесный, бесплотный*, т.е. исхудалый, изнуренный), быть румяным (*бескровный*), именно эти черты считаются внешними признаками здоровья. Таким образом, данные языка фиксируют физический идеал, прямо противоположный тому, который навязывается обществу в наше время.

Природа создала человеческое тело гармоничным. Гармонию ему придает соразмерность, пропорциональность и симметричность, стабильность в количестве и наборе частей тела, стандартность их расположения. «Здесь концепт нормы соотносится с модальностью необходимости, т.е. действуют неукоснительные законы мироздания» [Арутюнова, 1987, с. 7]. Такое тело обычно и не привлекает внимания. Если же имеется отклонение от нормы, то оно может получить номинацию в языке. Наиболее наглядный вид девиации – изменение количества частей тела.

Строение тела предполагает определенное количество органов, частей тела: две руки, две ноги, тридцать два зуба, по пять пальцев на руках и ногах. Любой из органов, составляющих тело, одинаково необходим человеку и не может быть бесполезным. Однако отсутствие некоторых из них маркируется в языке (*беззубый, безволосый, безголовый, безногий* и др.), а других – нет (*ноздри, щеки, подбородок, грудь*).

Отмеченное языком отсутствие какого-либо обычного физического признака в теле говорит о том, что роль разных частей тела по-разному осознается

русским человеком, о том, что некоторые части тела постоянно в фокусе внимания, считаются важными, другие же находятся на периферии смыслового поля «части тела человека», их функции и значение чаще не анализируются. Отсутствие симметрии между функцией части тела и ее языковой концептуализацией наглядно демонстрируют следующие факты.

Одинаково невозможна работа организма без сердца, мозга, печени, почек, однако в языке существуют только прилагательные *бессердечный* и *безмозглый*, которые своеобразно интерпретируют роль этих органов в жизни человека.

У бровей и ресниц примерно одинаковая физиологическая функция, они в одинаковой степени заметны на лице человека, однако языком отмечается только отсутствие бровей (*безбровый*). Показательным в этом смысле является контекст, в котором необходимость подчеркнуть отсутствие бровей и ресниц приводит к номинации подобных ситуаций разным способом: отсутствие бровей называется прилагательным, а ресниц – предложно-падежным сочетанием:

1) *Безбровые, как казалось, и без ресниц его чудные глаза были слабо прикрыты веками* (Павел Филонов).

Но в «Национальном корпусе русского языка» [Национальный корпус русского языка] встретился один контекст с прилагательным *безресничный*, который скорее демонстрирует высокий потенциал данной словообразовательной модели и характер отношения автора к языку, позволяющему легко творить новые номинации, чем опровергает предложенные выше выводы:

2) *Его черные безбровые и безресницые глаза сделались такими страшными, что кадеты отшатнулись* (А.И. Куприн).

В текстах встречаются единичные употребления прилагательных *беззубый, безротый, безлобый, бесшей, безмышечный, бескожий, бесчленный*, не отмеченных словарями. Данный факт тоже свидетельствует о концептуализации некоторых частей тела как менее значимых и о том, что основанием для использования / неиспользования языковых единиц могут стать именно когнитивные причины.

Отклонение от стандартного количества фиксируется прилагательными *беззубый, безрукий, безногий, беспальный, безухий*. Интересно, что этими прилагательными с одинаковым успехом обозначается как полное отсутствие названной части тела, так и нарушение комплекта. Словари обычно указывают на эту особенность значений данных адъективов: *безрукий* ‘не имеющий руки или рук’, *безногий* ‘не имеющий ноги или ног’. Таким образом, оказывается, что нехватка, некомплект приравнивается к полному отсутствию, что еще раз демонстрирует склонность русского человека к крайним оценкам (*кто не с нами, тот против нас; курица не птица; мало денег – это не деньги*).

При этом в контекстах может демонстрироваться как нивелирование различий между полным отсутствием и некомплектом (пример 3), так и рефлексия по поводу этих различий (пример 4):

3) *Я встречаю его живого, осенью, без ноги, и удивляюсь, что не замечал раньше, что он безногий* (А. Битов);

4) *Как быть с одноногим Мересьевым (безногим, устало поправил меня завуч)* (Н.Климонтович).

Языковые значения приравнивают также полное отсутствие и количество, меньшее, чем то, которое считается нормой: *бескровный* ‘содержащий малое количество крови’, *безбровый* ‘не имеющий или имеющий малозаметные брови’, *безволосый* ‘не имеющий или имеющий мало волос’. При этом, как отмечает Н.Д. Арутюнова, количественная норма относительна: «можно говорить о волосатой груди, но голову не называют волосатой; точно так же не назовут безволосой грудь, к голове же это прилагательное приложимо. Оба прилагательные – *безволосый* и *волосатый* – используются, когда имеет место количественное отклонение от нормы» [Арутюнова, 1987, с. 10]. Следовательно, можно сказать, что

норма соотносится с конкретной частью тела. И так, не-нормой считается как отсутствие, так и отклонение от устойчивых представлений о стандартном количестве.

«Каждым видом деятельности, каждым типом состояния, каждой реакцией ведаёт своя система. Она локализуется в определенном органе, который выполняет определенное действие, приходит в определенное состояние, формирует нужную функцию» [Апресян, 1995, с. 40]. Отсутствие части тела не только нарушает привычный облик человека, но и изменяет качество его жизни. Нарушение стандарта приводит к ограничениям физических возможностей. Индивид продолжает жить, но изменяется привычный ход жизни, возможность выполнения некоторых действий. Поэтому отсутствие или неполный комплект не позволяет человеку быть полноценным: *безухий* плохо слышит, *безглазый* не видит, *беспальный* не имеет мелкой моторики. Таким образом, следствием отсутствия части тела является дисфункция.

Язык несколько другим образом интерпретирует связь отсутствия части тела и нарушения функций. Из словарных дефиниций можно сделать вывод, что языковой коллектив дисфункцию приравнивает к отсутствию части тела, ведь *безногим* называется не только тот, у кого нет ног или ноги, но и 'не владеющий ногами, лишившийся способности ходить'. Кстати, точно такую же концептуализацию представляет и глагол *обезножить*. Рефлексия по поводу совмещения в одном слове указанных смыслов представлена и в контекстах:

5) – *Я не безногий.*

– *Безногий. Ходить не можешь, значит безногий* (О. Козырев).

Как следует из анализа лексических значений прилагательных, под функцией части тела понимается не просто способность соответствовать анатомическому предназначению. У ряда адъективов встречаются употребления, говорящие о том, что к функционированию предъявляются и требования качественного характера. *Безязыкий* не только 'немой', т.е. тот, у которого язык не функционирует как орган речи, но и 'косноязычный, плохо владеющий речью'. *Безруким* называют не только того, у кого 'нет рук', но и того, кто является 'неловким, неумелым в работе'. Подобным образом концептуализируется и наличие голоса: *безголосый* 'лишившийся голоса, обладающий слабым или плохим голосом, не умеющий петь'. Оказывается, что к органам предъявляются требования не только функционирования, но функционирования со знаком плюс, орган должен не просто работать, а работать хорошо. Контексты подчеркивают, что индивид, имеющий руки, но плохо ими владеющий, называется *безруким*, в таких употреблениях важна качественная оценка функционирования:

6) *Экий безрукый какой, руки – как крюки* (В. Ропшин).

Человек должен иметь не просто хорошо работающие руки и ноги, но владеть ими мастерски: не просто двигать руками, но создавать ими нечто, не просто говорить, а виртуозно владеть речью.

На этом основании прилагательные с приставкой *без-* (*бес-*) могут обозначать некачественное функционирование, непутевость человека в целом или отсутствие каких-то черт его личности, причем эксплицироваться личностная дефектность может через практически любое прилагательное, обозначающее отсутствие любой части тела как отклонение от нормы:

7) *Конечно, он узнает про себя много нового, какой он косорукий и безголовый, точно определится место, откуда у него растут руки* (Г. Щербакова);

8) *Это связано с тем, что нас начали обвинять, что мы «безрукие-безногие», нам тут, извините, жрать нечего и мы «нахлебники России».* («Мы за равноправный союз» // «Наш современник», 2004);

9) *Казалось, самая необоротистая, самая безрукая по жизни* (Г. Щербакова). Форма превосходной степени, использованная в примере, свидетельствует

о семантической и грамматической переориентации прилагательного, в значении которого главным стал качественный компонент.

Прилагательное анализируемой семантики само может выражать предельную степень интенсивности другого признака, т.к. наличие функционирующих органов осмысливается как необходимость и обязательность, а отсутствие есть вопиющее нарушение порядка:

10) *Он нарочно вызывает самых ядреных лентяев, отличающихся крутостью, безголовым невежеством* (Н.Г. Помяловский).

Еще одним последствием установленной концептуализации частей тела человека является то, что данные прилагательные используются как средство обозначения нарушения любой нормы, отклонения от общепринятых представлений о том, какой должна быть та или иная сторона жизни:

11) *Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души* (Е. Шварц);

12) *«Европеизация» всегда получалась какая-то безногая, молью траченная, «патриотами» заплеванная да ворьем настигованная* (А. Яковлев).

Среди исследуемых адъективов особо выделяются прилагательные *безголовый, безмозглый, бессердечный, бесхребетный*. Мотиваторами в них выступают названия частей тела, отсутствие которых означало бы физиологическую смерть человека. По понятным причинам значения таких адъективов не могут связываться с отсутствием органа или анатомической дисфункцией. Однако семантика этих прилагательных отражает особый взгляд носителя языка на роль частей тела человека. Некоторые органы воспринимаются как многофункциональные. Сердце не только центральный орган кровеносной системы, хребет – опорно-двигательной, мозг – нервной. Им приписывается и вторичная функция, которая фиксируется в дефинициях: *бессердечный* ‘чуждый мягкости, сердечности в отношении с людьми, жестокий, злой, черствый’, *безголовый* ‘лишенный здравого смысла, глупый’, *безмозглый* ‘глупый, бестолковый’, *бесхребетный* ‘не имеющий твердости в характере, во взглядах, беспринципный’, *беззубый* ‘не умеющий отстаивать свои взгляды’. Таким образом, и в нашем материале сердце представлено как орган, вырабатывающий добро, мозг – ум, хребет – твердость характера (ср. *человек с головой, он голова, светлая голова* ‘об умном человеке’, *мозговой центр* ‘о ведущих специалистах’, *в сердцах* ‘раздраженно, обиженно’, *у него нет сердца* ‘о злом, черством человеке’) [Подобные выводы см. в Арутюнова, 1999]. Отсутствие некоторых черт, характеризующих человека как индивида (доброты, ума, принципов), т.е. продуктов, вырабатываемых сердцем, мозгом, головой, хребтом, зубами, интерпретируется как следствие дисфункции органов, которая приравнивается к отсутствию данной части тела: злой человек – значит бессердечный, глупый – значит безмозглый, слабый – значит бесхребетный.

Когнитивным механизмом, обеспечивающим такую концептуализацию частей тела человека, является метонимия: нет добра = нет сердца, нет ума = нет головы, нет принципов = нет хребта. Интересно, что и здесь имеется качественная составляющая: человек должен не просто думать, а для этого голова и мозг должны не просто вырабатывать мысли, но это должны быть умные мысли, соотносимые со здравым смыслом.

13) *Почему так думал, дурень безголовый?* (В. Быков).

При такой концептуализации возможна и количественная составляющая: личность оценивается с точки зрения того, насколько ее мысли соответствуют критерию ума, сообразительности, отсюда при прилагательных использование слов меры и степени:

14) *Лица настолько безголова, что каждый раз меняет фамилию* (Д. Донцова);

15) *Уж очень я безголова* (В.В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова (1960-1969)).

Итак, в ходе анализа было выявлено несколько типов информации о том, как стандартно представляется в русской языковой картине мира тело человека с помощью прилагательных с префиксом *без-* (*бес-*). Словарные дефиниции данных адъективов по-разному воспроизводят эту информацию (см. таблицу).

	‘полное отсутствие’	‘меньше нормы’	‘анатомическая дисфункция’	‘вторичная дисфункция’
Безбровый		+		
Безволосый	+	+		
Безухий	+	+	++	
Безносый	+	–		
Безглазый	+	+		
Беспальный	+	+		
Беззубый	+	++	–	+
Безрукий	+	+	++	+
Безногий	+	+	+	++
Бескровный	+	+	–	++
Безголовый	+	–	–	+
Безмозглый	–	–	–	+
Бессердечный	–	–	–	+
Бесхребетный	+	–	–	+
Безъязыкий	+	–	+	++
+ значение фиксируется словарем ++ значение не фиксируется словарем, но реализуется в речи – значение невозможно по экстралингвистическим причинам				

В ряде дефиниций отражено различие между полным отсутствием и отклонением от нормы в меньшую сторону (*бескровный* ‘лишенный крови или бедный кровью’, *безногий* ‘не имеющий ноги или ног’), в других же на такое различие не указывается (*безбровый* ‘с еле заметными бровями’, *беззубый* ‘не имеющий зубов’). Интересно, что возможность анатомической дисфункции словарь отмечает только у ног и языка, хотя и глаза могут не видеть, уши не слышать, а руки не двигаться.

И в речи употребление слов в этих значениях встречается:

16) *И вдруг плоть полоснула по Христу, сломав ему ладонь у лица. Иона задержался, с остервенением лупцуя Христа, а тот, безрукий, уже не мог защититься и покорно подставлял впалые щёки* (А.Иванов);

17) *...записал он после столкновения с одним из нынешних апофеозов, в которых безухий либерал не слышит ностальгической теплоты в мишуре византийской пышности* (Н. Климонтович);

18) *Дмитрий Васильич Кавинин, теперь безногий и почти безрукий подагрик, всю молодость прожил в Англии* (А.Ф. Писемский). Слова меры и степени, невозможные при прилагательных со значением отсутствия части тела, здесь подчеркивают степень дисфункции.

Вторичную, дополнительную к анатомической, функцию выполняют голова, мозг, сердце, хребет, зубы, руки, ноги. И хотя словари не отмечают такого значения у слова *безногий*, но вполне естественно будет восприниматься контекст, в котором о плохо играющих футболистах или плохо танцующих артистах скажут: «*Безногие*».

Требуется комментарий значение слова *безъязыкий*. Как известно, слово *язык* может употребляться в значении ‘часть тела’ и ‘средство общения’. «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н.Тихонова [Тихонов, 1985], приводит только одно словообразовательное гнездо с вершиной *язык*. Здесь даются два деривата с приставкой *без-* – *безъязыкий* и *безъязычный*, первый из которых соотносится с *язык* ‘часть тела’, второй с *язык* ‘средство общения’. В текстах же в значении ‘не владеющий языком-средством общения’ встречается не только *безъязычный*, но гораздо чаще *безъязыкий*. Эта ситуация еще раз подчеркивает,

что отсутствие продукта, вырабатываемого органом, концептуализируется как отсутствие органа. В таком случае мы имеем дело с метонимической моделью *орган – функция*:

19) *Их, конечно, бдительно охраняют, но мы охранникам не опасны; мы не знаем балетного эсперанто, и что с нас взять, почти безъязыких?* (В. Рецептер);

При этом язык может пониматься и как ‘набор средств, используемых в данной области деятельности’:

20) *Здесь на них было словно клеймо – безъязыкие эмигранты, с охотой берущие старые вещи, только неси* (М. Вишневецкая).

Таким образом, мы видим, что прилагательные с префиксом *без-(бес-)* способны выражать 4 типа информации. Отсутствие какой-либо реализации значения может быть объяснено экстралингвистическими причинами, например, невозможностью жизни без мозга и сердца. Прилагательное *безголовый* в этой группе стоит особняком, т.к. может употребляться в значении ‘отсутствие’, но только в применении к телу, фигуре, а не к живому человеку. Отсутствие значения ‘меньше количественной нормы’ объясняется единичностью органа (*безносый, безъязыкий*). Отсутствие значения ‘анатомическая дисфункция’ мотивировано действительностью: невозможностью жить с неработающим сердцем, головой, мозгом, хребтом. Однако то, что прилагательные *безбровый, безволосый, безухий, безносый, безглазый, беспальный* не обозначают дисфункцию, объясняется только особенностями языковой концептуализации: очевидно, функции этих органов осознаются как периферийные, и потому носитель языка не акцентирует на них свое внимание.

Несомненно значимым является тот факт, что у всех органов, концептуализированных как важные, отмечается анатомическая дисфункция (если нет внеязыковых препятствий к развитию этого значения) и вторичная дисфункция.

Таким образом, семантическая структура описанных прилагательных свидетельствует о том, что значение прилагательного с префиксом *без- (бес-)* является системным, т.к. выявляется связь между различными типами информации, которую выражает прилагательное. Такая связь регулярна, поскольку повторяется в структуре значения всех прилагательных, одинаково концептуализирующих части тела человека (как центральные или периферийные). Регулярность позволяет говорить о моделях семантической деривации.

Чрезвычайная семантическая нагруженность данных прилагательных, их способность распространять сферу действия в другие смысловые области подтверждает то, что части тела человека являются важнейшим фрагментом мира, в категориях которого осмысливаются другие сферы окружающей действительности.

Литература

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. М., 1995. № 1. С. 37–68.

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык. (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. М., 1987. № 3. С. 5–10.

Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 3–11.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>

Никитина С.Е. Сердце и душа фольклорного человека // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 27–37.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. М., 1985.

Урысон Е.А. Душа, сердце и ум в языковой картине мира // Путь. 1994. № 5. С. 20–30.

Урысон Е.А. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. М., 1995. № 3. С. 3–17.